«Образцовая Культурная Деревня»: архитектурные мечтания и реальность 1920–1930-х годов

Ю.Л.Косенкова, НИИТИАГ, Москва

В статье рассматривается планировка и застройка села в 1920–1930-е годы как в контексте социальной политики в отношении деревни, так и в контексте изменений общей направленности советского градостроительства этого периода. С первых послереволюционных лет сформировалась идея «Образцовой культурной деревни», которую следует показывать крестьянам как пример для подражания. В зависимости от менявшейся градостроительной политики государства в 1920–1930-е годы эта идея воплощалась в различных проектах, однако все они были далеки от реальной ситуации на селе. В частности, рассмотрены попытки создавать сначала «примерные», а затем « типовые » проекты планировки колхозных и совхозных посёлков, не основанные на изучении конкретных данных.

В статье показано зарождение во второй половине 1930-х годов научного подхода к индивидуальному проектированию села на основе предпроектных исследований. Такой подход развивали институты коммунальной гигиены, однако до войны он не успел получить развития. Социальная основа жизни на селе отличалась неустойчивостью, а в предвоенные годы государственная политика в отношении проектирования села стала в значительной мере более жёсткой, началась борьба с так называемыми «излишествами».

Эта тенденция входила в противоречие с лозунгом «стирания различий между городом и деревней». В статье показано постепенное упрощение содержания понятия «аггород» – от задумывавшихся с размахом в конце 1920-х годов агро-индустриальных комбинатов до минимального благоустройства на селе. В то же время поиски художественного образа советской деревни сводились в основном к конкурсным проектам различных «типов» клубов и домов культуры¹.

Ключевые слова: история советской архитектуры, планировка сельских населённых мест, типовое проектирование, градостроительное законодательство.

"Model Cultural Village": Architectural Dreams and Reality of the 1920–1930s

Y.L.Kosenkova, NIITIAG, Moscow

The article is dedicated to the planning and development of the countryside in the 1920–1930s, both in the context of the

rural social policy and in connection to the general orientation of Soviet town planning of this period. The idea of a "Model Cultural Village", which should've been shown to peasants as an example for imitation, was formed in the first post-revolutionary years. Depending on the changing construction policy of the State in the 1920–1930s, this idea was embodied in various projects, but all of them were far from the real situation in the countryside. In particular, attempts to create "exemplary" and then the "standard" projects of the planning of collective and state farm settlements, not based on the study of specific data, are considered.

The article shows the birth of scientific approach to the individual rural design based on pre-project studies in the second half of the 1930s. Such an approach was developed by the institutes of communal hygiene, but it did not manage to develop before the World War II. The social life basis in the countryside was unsustainable, and in the pre-war years the state policy regarding the planning of the countryside became much more strict. The struggle with the so-called "extravagances" began.

This trend was in contradiction with the slogan of "blurring the differences between urban areas and the countryside". The article shows the gradual simplification of the concept of "agrotown" – from agro-industrial plants, conceived in a big way in the late 1920s, to a minimum equipping of the countryside. At the same time, the search for a visual image of the Soviet countryside was mainly reduced to competition projects of various "types" of clubs and community centers.

Keywords: history of Soviet architecture, planning of rural settlements, type design, town planning legislation.

Проблема планировки и застройки сельских населённых мест, непосредственно связанная с революционными преобразованиями в стране и затрагивавшая большую часть населения страны, в историческом аспекте никогда всерьёз не разрабатывалась. Существовала ли определённая архитектурно-планировочная политика государства на селе и каковы были результаты этой деятельности – всё это ещё только начинает складываться в более или менее целостную картину в современной архитектурно-исторической науке. Это большая тема, и рамки статьи позволяют лишь обозначить некоторые наиболее общие вопросы [1, с. 634–683].

Благоустройство сельских поселений как общественно значимая задача определилось, конечно, задолго до прихода

¹ Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.2.3.

советской власти. Этой проблемой занимались в основном уездные земские управы, хотя практическая эффективность разрабатываемых ими планов была довольно низкой. Вопросы о выработке каких-либо общих санитарно-гигиенических требований к планировке селений, огнестойкому строительству, водоснабжению и мелиоративным работам на селе были поставлены только в первом десятилетии XX века. С началом Первой мировой войны все мероприятия по благоустройству селений приостановились [2, с. 513].

Однако общественные ожидания, связанные с культурным преобразованием деревни после окончания войны, в этот период только усилились. Так, журнал «Зодчий» писал в 1916 году: «По-видимому, настал теперь момент для обязательно-го вмешательства правительства в сельское строительство и для направления его по тщательно разработанному плану в широкое русло предстоящего грандиозного культурного развития родной страны» [3, с. 213–219]. Автор был уверен, что правительством и общественными организациями будут отпущены огромные суммы на восстановление села и был озабочен тем, чтобы эти средства расходовались продуктивно, а не уходили на воспроизводство многочисленных исконных недостатков сельского строительства.

Вместо кабаков – мечтал автор – в деревнях появятся школы, читальни, кинематографы, народные дома, для которых должно быть избрано «достаточно центральное и обширное место с свободной площадью для собраний, игр и спорта». Должны быть разработаны гигиенические правила устройства селений, введение водопровода и канализации, замощение улиц и т.п. [см. 3, с. 213–219].

Весь этот комплекс социальных ожиданий, опасений и прожектёрских планов в отношении благоустройства и застройки села был в какой-то степени унаследован советской властью. Но с первых послереволюционных лет стали формироваться и совершенно новые черты, определявшие затем на протяжении десятилетий отношение к проблеме сельского строительства. Они были связаны, с чрезвычайно жёсткой аграрной политикой советского государства и откровенно потребительским отношением к крестьянству как к источнику средств для форсированного развития промышленного сектора [4, с. 10].

Государство действительно взяло на себя основную роль в проектировании для села, но эти вопросы с самого начала были разделены между различными ведомствами. Как показали исследования последних лет, в стране в целом в это время складывались две конкурирующие системы архитектурно-градостроительного проектирования: в системе ВСНХ и в системе НКВД [5, с. 919–941]. Кроме того, в проектировании для села участвовали Наркомзем, Наркомпрос, Наркомздрав и др. Для всех этих ведомств вопросы деревенского строительства имели третьестепенное значение, они не располагали ни целевыми финансами, ни штатом соответствующих специалистов.

Если руководящие функции оставались за государственными структурами, то функции реализации многочисленных

циркуляров и рекомендаций в области застройки и планировки селений возлагались в основном на само сельское население, у которого не было для этого ни материальных и технических ресурсов, ни соответствующих знаний. Государство, как правило, оставляло за собой лишь обязанности создания неких «образцов», призванных приучить сельское население к «культурной жизни» – будь то популярные брошюры о гигиенических правилах планировки и застройки села или так называемые «примерные» проекты отдельных сельских зданий и планов поселений [6].

В этом контексте хотелось бы отметить одно, казалось бы, неприметное событие 1918 года, следы которого сохранились в архиве. Это обсуждение в только что созданном в системе ВСНХ Управлении городского и сельского строительства предложения по созданию «Образцовой Культурной Деревни», которую можно было бы демонстрировать делегациям крестьян². Это предложение-фантазия, рассчитанное на полное обобществление бытовых и хозяйственных функций и не имевшее отношения к реальной жизни деревни того времени, было немедленно принято к осуществлению. Однако известный градостроитель, «старый специалист» проф. Б.В. Сакулин, которому было поручено осуществление предложения, отверг его, выдвинув встречную обширную и сложную программу работ по изучению деревни в различных регионах страны. Но поскольку не было никаких материальных, кадровых и технических ресурсов, чтобы выполнить эту программу, вопрос завис, не получив никакого решения.

Это событие, с нашей точки зрения, удивительно точно моделирует смысловую ситуацию, которая, принимая различные конкретные формы, повторялась затем на протяжении 1920–1930-х годов: тщательная научно-профессиональная работа по проектированию села требовала огромных затрат средств, времени, преодоления хронического дефицита подготовленных кадров, на что не было прежде всего «политической воли», а измышленные на основе конъюнктурных вейаний «образцы» не выдерживали критики. В практике тем временем побеждало бесплановое, хаотичное развитие селений, строительство из случайных, низкосортных материалов.

В качестве одного из примеров дальнейшего воплощения самой сути идеи «Образцовой Культурной Деревни» можно привести довольно хаотичную деятельность различных ведомств по подготовке так называемых «типовых» проектов планировок колхозных и совхозных посёлков (рис. 1). Выработка планировочных «типов» при этом не основывалась на каком-либо реальном опыте и практической апробации, исходные условия для проектирования проектировщики (а это были, как правило, не архитекторы, а инженеры землеустройства, техники) были вынуждены придумывать сами [7, с. 9–11; 8, с. 7–9]. Адаптировать отвлечённые типовые

² Автором предложения был Б.С. Сидоров, в дальнейшем закончивший ВХУ-ТЕМАС и ставший достаточно известным советским архитектором (РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 288, Л. 1–2об.

проекты к конкретным условиям того или иного села было некому, и их влияние на практику было минимальным. К тому же социальная структура жизни на селе как исходное условие для проектирования всё время видоизменялась и оставалась неясной. Это сказывалось даже в государственном секторе сельского строительства, не говоря уж о колхозах (рис. 2). Так, типовые проекты новых посёлков при машинно-тракторных станциях долгие годы не утверждались, поскольку власть не могла решить, можно ли жителям этих посёлков иметь индивидуальные приусадебные участки или нет. Уже к 1933 году деятельность по разработке типовых проектов планировки селений практически сошла на нет. Критике таких проектов в

печати способствовал и общий поворот советской архитектуры к ретроспективизму после 1932 года, переход к концепции так называемого «города-ансамбля».

Минимальная работа по анализу реального положения дел с планировкой и застройкой деревень и разработке первых индивидуальных проектов селений была начата лишь в 1936–1937 годах и не архитекторами, а сотрудниками институтов коммунальной гигиены России и Украины [9, с. 4] (рис. 3). За несколько лет, оставшихся до начала войны, эта работа не продвинулась далеко. Но уже в 1939–1940 годах созданные немногочисленные проекты потребовали переделки, поскольку власть выдвинула новые требования, касавшиеся ускоренной

Рис. 1. Проект типового генплана колхоза на 100 дворов. Бригада МОЗУ. 1933 год

Рис. 2. Генплан (перспектива) архитектурно-строительного комплекса МТС. Архитектор М.А. Кандахчан. 1935 год

Рис. 3. Село Чапаевка. Украина. Перспектива колхозного стадиона. 1934–1935 годы

ликвидации хуторской системы расселения (а это были сотни тысяч хуторов в разных регионах страны), резкого увеличения за счёт этого численности населения колхозных деревень и уменьшения индивидуальных приусадебных участков.

Что касается архитектурно-художественного облика «Образцовой Культурной Деревни», то приходится признать, что практически до конца 1930-х годов в нормативах и многочисленных циркулярах, касающихся села, архитектурные вопросы не ставились. В этой связи мне хотелось бы отметить в качестве знакового ещё одно событие, относящееся к 1919 году. Это конкурс на проект сельского Народного дома, проведённый Наркомпросом, программа для которого была разработана И.В. Жолтовским [10, с. 29]. Довольно простое задание предполагало проектирование сельской чайной-читальни и небольшого клуба с театральным залом. Несмотря на то, что на конкурс было представлено около сорока проектов, он скорее показал определённую растерянность архитекторов перед проблемой создания сельской архитектуры новой эпохи, чем дал какие-либо приемлемые результаты. Образы Народного дома, колебавшиеся между стилизацией «ампирных» усадеб и северной русской избы, в равной степени были оценены жюри и критикой отрицательно [11, с. 26–27].

Здесь проявились, на наш взгляд, черты, и в дальнейшем характерные для поисков в области сельской архитектуры: объектом приложения творческих усилий становилось лишь одно идеологически значимое здание сельского Народного дома (в дальнейшем – сельского клуба или дома культуры), взятое безотносительно к каким-либо конкретным условиям; внимание архитекторов было сосредоточено не столько на поисках соответствия функционального содержания клуба сельскому образу жизни, который не был изучен, сколько на внешней форме, представлявшей собой различного рода стилизации. В сельской строительной практике населением тем временем приспособлялись под клубы либо церкви, либо обычные деревенские избы.

После создания в 1934 году Всесоюзной академии архитектуры в ней был открыт научный Кабинет сельской архитектуры. К проведённым в 1935–1937 годах конкурсам на проект сельского дома культуры был впервые привлечён широкий слой архитектурного сообщества. Но и тогда основная тенденция не изменилась – палитра образов главного сельского здания с различными вариациями по-прежнему умещалась между «классической» и «избяной» линиями. Специфический образ главного общественного здания, столь важный вообще для архитектуры 1930-х годов, для села так и не был найден.

И, наконец, ещё одно событие, на которое хотелось бы обратить внимание. Оно касалось поиска специфики сельского жилища. В 1925 году прошёл первый архитектурный конкурс Моссовета на составление проекта «улучшенной крестьянской избы» [12, с. 3–7]. Фактически программа этого конкурса предусматривала проектирование зажиточного индивидуального крестьянского хозяйства с большим домом и развитыми хозяйственными постройками. С началом

ускоренной коллективизации и «раскулачивания» такой тип крестьянского жилища, конечно, утратил всякую актуальность.

Дальнейшие поиски сельского жилища в это время можно рассматривать как слабое отражение тех процессов, которые происходили в отношении поиска рабочего жилища с «обобщением быта» для строительства так называемых «соцгородов» при крупном промышленном производстве. Основным направлением для села считался «дом-коммуна» в один или два этажа, проектировавшийся по примитивной схеме – с длинным коридором, в который выходили ячейки-комнаты. Особый интерес вызывал тип круглого коллективного жилого дома, считавшегося наиболее экономичным за счёт уменьшения периметра стен [13, с. 140–143]. Таких проектов сельских круглых «домов-коммун» было разработано несколько. Приведу только один пример проекта инженера П.П. Осипова, осуществлённого как опытный образец одним из московских строительных кооперативов в 1927 году (рис. 4, 5). Небольшой двухэтажный

Рис. 4. Круглый дом-коммуна инженера П.П. Осипова. Общий вид. Конец 1920-х годов

Рис. 5. Круглый дом-коммуна инженера П.П. Осипова. План

дом включал в себя не только жилые, но и общественные, и хозяйственные помещения – стойла для скота, склады и мастерские, а его возведение было рассчитано на возможности самих коммунаров – фактически из бросовых материалов: глина с соломой, хворост, жерди, пакля, опилки, торф. Длинные коридоры здесь были заменены центральным помещением, что, по мнению автора, давало функциональные преимущества, сокращая расстояние от жилья до работы [14, с. 29–32].

На эту постройку водили колхозников, и они осторожно высказывались, что, в общем, этот тип дома заслуживает внимания. Однако при осмотре дома специалистами выяснилось, что жить в нем практически невозможно. С выходом в мае 1930 года известного постановления ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» эти немногочисленные эксперименты были окончательно заброшены.

Едва ли не единственная попытка выяснить, чего же хотят сами колхозники, была сделана в 1935 году Оргкомитетом ССА

во время Второго Всесоюзного съезда «колхозников-ударников», когда была открыта выставка проектов для села и проведено Всесоюзное совещание по колхозной архитектуре [15, с. 2; 16, с. 3].

На радиообращение к колхозникам с просьбой присылать свои предложения по сельскому жилищу были получены самые разнообразные ответы [17, с. 15–17], но большинство сходились в одном: в качестве идеала они фактически описывали то самое индивидуальное зажиточное «кулацкое» жилище, с которым власть боролась не на жизнь, а на смерть в ходе коллективизации. У власти в этом отношении были другие установки. Считалось, что почти всё разнообразие хозяйственных построек в усадьбе колхозника становится ненужным, а путь к колхозной зажиточной и культурной жизни лежит через развитие общественного колхозного производства.

Ещё один момент, о котором нельзя не сказать, – это попытки воплотить политический тезис о стирании различий между городом и деревней. В целом ориентация архитектурно-планировочного развития села на город существовала на всём протяжении 1920-х – 1930-х годов, но при этом практически она выражалась в слабых архитектурно-планировочных решениях. Первые «образцовые» проекты деревень, создававшиеся землемерами в середине 1920-х годов, выглядели как наборы маленьких домиков, вписанных в правильные геометрические фигуры, с обилием общественных парков и фонтанов – слабое «эхо» популярной идеи «городов-садов» английского социолога Э. Говарда [18] (рис. 6, 7).

Однако с началом курса индустриализации и проектирования «соцгородов» при производствах столь пасторальные решения уже никого не устраивали. Для осуществления планов индустриализации нужны были огромные средства, а, следовательно, создание крупного сельскохозяйственного производства, подконтрольного государству. Ещё в 1920-х годах аграрники-марксисты решали проблемы организации и проектирования агро-индустриальных (АИК) или индустриально-аграрных комбинатов (ИАК или ИНАК), преследовавших цели скорейшего перевода сельского хозяйства на машинные рельсы, сочетания сельского хозяйства с переработкой его продукции, преодоления сезонности работы в сельском хозяйстве за счёт временной переброски рабочей силы в индустриальную сферу и обратно, ликвидации различий между городом и деревней. В градостроительном отношении АИК задумывался как село-город – со всем необходимым комплексом культурных учреждений, современными видами транспорта и оборудования.

Такой комбинат должен был объединять в масштабе хозяйственного района колхозы, совхозы, МТС, промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, местные энергетические центры и другие предприятия и сооружения общего пользования. Создание таких комбинатов началось в соответствии с установками ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 года как смешанных совхозно-колхозных объединений с согласованным хозяйственным планом и общей технической базой

Рис. 6. Проект выселок на 68 дворов. Укрелиоводхоз. 1924 год

Рис. 7. Проект посёлка на 53 двора. Укрелиоводхоз. 1924 год

[19]. Так, например, на создании АИКов строился Генеральный план развития народного хозяйства Сибири, разрабатывавшийся плановой комиссией при Крайисполкоме. На территории края предполагалось сформировать 173 агро-индустриальных комбината [20]. В 1930 году предполагалось создать по всей стране свыше 300 АИК – гигантских агро-промышленных объединений, построенных по типу промышленных комбинатов: Магнитогорского, Кемеровского и др. Фактически начали формироваться лишь единицы таких хозяйств, а после 1931 года создание АИК прекратилось. Те, что успели создать, были ликвидированы.

Среди целого комплекса причин такого резкого поворота были: отсутствие возможности огромных финансовых вложений, которых требовало создание АИК, отсутствие подготовленных кадров в колхозах и совхозах, общий низкий уровень технического прогресса в стране [19]. Планирование АИКов расценивалось теперь с идеологической точки зрения как вредительская и антипартийная деятельность с целью ликвидации колхозов и совхозов [21, с. 162–168].

В градостроительном отношении АИК задумывался как «село-город» со всем необходимым комплексом культурных учреждений, современными видами транспорта и оборудования. АИКи фактически никак не успели повлиять на реальное сельское строительство, но идея «агрокотрода» продолжала жить как одно из воплощений «Образцовой Культурной Деревни» (рис. 8).

В 1928 году был запущен государственный проект по созданию нескольких совхозов-гигантов, рассчитанных на получение зерна для экспорта. Но только главные усадьбы в двух первых таких совхозах (совхозы «Гигант» и «Зерновой» в Северокавказском крае) удалось застроить как «село-город» – капитальными трёхэтажными квартирными домами, без индивидуальных участков, с полным набором учреждений социального обслуживания, с центральным отоплением и канализацией [22, с. 11–13]. Они стали объектом шумной пропаганды в печати, сюда возили писателей и иностранные делегации, но, по сути, на этом практика создания «агрокотродов» была исчерпана (рис. 9, 10).

Определённая метаморфоза произошла и с самим понятием «агрокотрод», теперь его содержание сводилось, скорее, к несколько улучшенному качеству строительства и осуществлению минимального благоустройства в деревне, «как в городе». Пожалуй, единственным практическим экспериментом стало благоустройство нескольких колхозных посёлков в Кабардино-Балкарской автономной области, которое местное амбициозное руководство и центральная печать с пафосом называли строительством «агрокотродов» [23, с. 36–39] (рис. 11).

Руководство области созвало в Нальчике в октябре 1933 года архитектурную конференцию с участием московских, ленинградских и ростовских архитекторов, местных инженеров и техников, колхозников-ударников. Конференция была в основном посвящена реконструкции областного центра – города Нальчика, и пересмотру его генерального плана, ранее разработанного ростовскими архитекторами, а также строительству в городе нового Дома Советов (впоследствии – Дом правительства). Тогда же было принято

решение о строительстве в области трёх агрокотродов, сопровождавшееся развёрнутой пропагандистской кампанией. На конференции архитекторы во главе И.В. Жолтовским взяли на себя обязательство помочь в порядке шефской помощи с проектами. Пожалуй, это было первое обращение не к отдельным архитекторам, и раньше иногда привлекавшимся для тех или иных работ, а к архитектурному сообществу в целом в связи со строительством на селе.

Рис. 8. Проект ансамбля главной площади и парка в агрокотроде. Архитектор Р.Я. Хигер. 1934–1935 годы

Рис. 9. Планировка совхоза «Гигант» Северокавказского края. Конец 1920-х годов

Рис. 10. Проект застройки учебно-опытного совхоза «Зерновой» Северокавказского края. Макет. Конец 1920-х годов

По возвращении из Нальчика московская группа архитекторов выступила с пафосной статьёй в «Правде»: «Нас позвали не для обычной "узкоспециальной" работы, а для участия в громадном деле, содержание и масштабы которого становились все яснее и определённое, приобретали всё более и более реальные очертания с каждым днём, с каждым часом нашего пребывания в Нальчике» [24, с. 2]. Правда, как признавались авторы статьи, раньше они знали о колхозном строительстве только по газетам, и архитектору впервые приходится иметь дело с таким объектом, как планировка колхозной территории. Тем не менее архитекторы, побывавшие в Кабардино-Балкарии, приняли обязательства по планировке «агрогородов» и проектированию колхозных построек. Однако в силу расплывчатости задания и занятости столичных архитекторов проектирование значительно затянулось и свелось в конечном итоге к постройке нескольких зданий.

Продолжавшееся в предвоенные годы обесценивание деревни, раскулачивание, массовые репрессии, изъятие урожая, голод 1932–1933 годов, тщательно скрывавшийся правительством, – не позволяли всерьёз ставить вопрос о развёртывании строительства на селе, а лозунг о приближении сельских архитектуры и планировки к уровню города входил в прямое противоречие с политикой жёсткой экономии средств за счёт деревни.

Так, например, в 1939 году в результате выхода Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» и проведения Всесоюзного совещания по планировке колхозов, совхозов и МТС была объявлена борьба с «излишествами», в которых колхозники якобы не ощущают никакой потребности [25]. На самом деле имелись в виду элементарные бытовые удобства, хоть как-то повышавшие уровень жизни. Основной мотив, прозвучавший как в докладах, так и в прениях, – курс на ещё большую экономию в сельском строительстве и планировке сёл, отказ от всех нововведений, которые ранее непосредственно связывались с повышением «культурного уровня» деревни и «стиранием различий между городом и деревней».

Рис. 11. Планировка агрогорода колхоза «Ленинцы» в Кабардино-Балкарии. Перспектива. Начало 1930-х годов

Таким образом, весь наработанный к концу 1930-х годов опыт проектирования для села, вся только начинавшая складываться нормативная база были перечёркнуты.

Вместе с тем ориентация на город как залог «Образцовой Культурной Деревни» не была отменена, но теперь она выражалась (в соответствии с закономерностями построения советского «города-ансамбля» 1930-х годов) в требовании проектирования в центре села общественных зданий искусственно завышенных объёмов, строительства башен, использования укрупнённого архитектурного масштаба. Всё это находилось в явном противоречии с курсом на уменьшение объёмов сельских построек и экономию ресурсов.

Начавшаяся вскоре война и затем чрезвычайное напряжение сил для скорейшего восстановления разрушенного хозяйства вновь создали условия, в которых углублённая профессиональная работа по планировке и застройке села не имела благоприятных возможностей для развития.

Литература

1. Косенкова, Ю.Л. На периферии: проблемы планировки и застройки селений / Ю.Л. Косенкова // Советское градостроительство 1917–1941. В 2 кн. Книга 1. – М.: Прогресс-Традиция, 2018.
2. Петров, М.Н. Благоустройство населённых мест / М.Н. Петров // Большая медицинская энциклопедия; изд. 1-е; под ред. Н.А. Семашко. – М., 1928. – Т. 1. – С. 513.
3. Сахаров, В. Мысли о сельском строительстве / В. Сахаров // Зодчий. – 1916. – № 23. – 5 июня.
4. Тепцов, Н.В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20–30-х годов / Н.В. Тепцов. – М., 1990.
5. Меерович, М.Г. Межведомственная борьба внутри государственной системы проектного дела в СССР / М.Г. Меерович // Советское градостроительство 1917–1941. В 2 кн. Книга 2. – М.: Прогресс-Традиция, 2018.
6. Дышлер, П.Я. Сельское благоустройство. – П.: Изд. Наркомзем, 1919.
7. Воробьев, С.И. Планировка усадьбы типового зерносовхоза / С.И. Воробьев // Строительство Москвы. – 1930. – № 5. – С. 9–11.
8. Кондахчан, А.М. Типовой проект животноводческого совхоза / А.М. Кондахчан // Строительство Москвы. – 1930. – № 5. – С. 7–9.
9. Марзеев, А.Н. Планировка и реконструкция колхозного села / А.Н. Марзеев // Украинский институт коммунальной гигиены. – Киев: Госмедиздат УССР, 1941.
10. Государственная архитектурная мастерская // Художественная жизнь. Бюллетень художественной секции Наркомпроса. – 1919. – № 1. – С. 29.
11. Норверт, Э. Конкурс проектов народного дома / Э. Норверт // Художественная жизнь. Бюллетень художественной секции Наркомпроса. – 1919. – № 1. – С. 26–27.
12. Вендеров, Б. Первый конкурс Московского Совета РК и КД на составление проекта улучшенной крестьянской избы / Б. Вендеров // Строительство Москвы. – 1926. – № 8. – С. 3–7.

13. Кажинский, Б.К. Строительство колхозов / Б.К. Кажинский // Строительная промышленность. – 1929. – № 2. – С. 140–143.

14. Кажинский, Б.К. Новое о проектах колхозных строений Б.К. Кажинский // Коллективист. – 1928. – № 9–10 (64065). – С. 29–32.

15. Беккер, Н. Колхозная архитектура / Н. Беккер // Правда. – 1935. – № 73. – С. 2.

16. Тэсс, Т. Подготовка к новоселью / Т. Тэсс; К Всесоюзному совещанию по вопросам колхозной архитектуры // Известия. – 1935. – 17 марта. – № 66. – С. 3.

17. Кашкарова, Л. Колхозная самодеятельность в архитектуре / Л. Кашкарова // Архитектура СССР – 1937 - № 1 – С. 15-17

18. Альбом проектов планировок селений и усадеб. – Укрмелиоводхоз, Сельстройчасть. – Харьков: 1924

19. Бражник, М.В. Интеграционные аграрно-промышленные формирования в России в 1920–30-х гг. [Электронный ресурс] / М.В. Бражник // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал. – 2006. – № 3/4 (19/20). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1169> (дата обращения 16.06.2018).

20. Ильиных, В.А. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития [Электронный ресурс] / В.А. Ильиных // Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность). – Новосибирск, 2002. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23781905>

21. Бесчастнов [без иниц.] Об АИКах и ИНАКах т. Никухина и о путях социалистической реконструкции сельского хозяйства / Бесчастнов, Ипполитов, Ливянт [и др.] // На аграрном фронте. – 1932. – № 2. – С. 162–168.

22. Ерамишанцев, В. Учебно-опытные совхозы / В. Ерамишанцев // Строительство Москвы. – 1930. – № 5. – С. 11–13.

23. Ботов, Ф.И. Кабардино-Балкарская область строит агрогорода / Ф.И. Ботов // Архитектура СССР. – 1934. – № 8. – С. 36–39

24. Архитектурная конференция в Нальчике (Из впечатлений архитекторов от поездки в Кабардино-Балкарскую область) // Правда. – 1933. – 6 ноября. – С. 2

25. ССА СССР. Планировка и строительство колхозов, совхозов и МТС. Материалы совещания, созванного Союзом советских архитекторов совместно с Наркомземом, Наркомсовхозов и Академией архитектуры СССР. – М.: Изд БАА, 1940.

Literatura

1. Kosenkova Yu.L. Na periferii: problemy planirovki i zastroyki selenij / Yu.L. Kosenkova // Sovetskoe gradostroitel'stvo 1917–1941. V 2 kn. Kniga 1. – М.: Progress-Traditsiya, 2018.

2. Petrov M.N. Blagoustrojstvo naselennykh mest / M.N. Petrov // Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya; izd. 1-e; pod red. N.A. Semashko. – М., 1928. – Т. 1. – С. 513.

3. Saharov V. Mysli o sel'skom stroitel'stve / V. Saharov // Zodchij. – 1916. – № 23. – 5 iyunya.

4. Teptsov N.V. Agrarnaya politika: na krutykh povorotah 20–30-h godov / N.V. Teptsov. – М., 1990.

5. Meerovich M.G. Mezhdovedomstvennaya bor'ba vnutri gosudarstvennoy sistemy proektnogo dela v SSSR / M.G. Meerovich // Sovetskoe gradostroitel'stvo 1917–1941. V 2 kn. Kniga 2. – М.: Progress-Traditsiya, 2018.

6. Dyshler P.Ya. Sel'skoe blagoustrojstvo. – Р.: Izd. Narkomzem, 1919.

7. Vorob'ev S.I. Planirovka usad'by tipovogo zernosovhoza / S.I. Vorob'ev // Stroitel'stvo Moskvy. – 1930. – № 5. – С. 9–11.

8. Kondahchean A.M. Tipovoy projekt zhivotnovodcheskogo sovhoza / A.M. Kondahchean // Stroitel'stvo Moskvy. – 1930. – № 5. – С. 7–9.

9. Marzeev A.N. Planirovka i rekonstruktsiya kolhoznoy sela / A.N. Marzeev // Ukrainskiy institut kommunal'noy gigieny. – Kiev: Gosmedizdat USSR, 1941.

10. Gosudarstvennaya arhitekturnaya masterskaya // Hudozhestvennaya zhizn'. Byulleten' hudozhestvennoy sektsii Narkomprosa. – 1919. – № 1. – С. 29.

11. Norvert E. Konkurs projektov narodnogo doma / E. Norvert // Hudozhestvennaya zhizn'. Byulleten' hudozhestvennoy sektsii Narkomprosa. – 1919. – № 1. – С. 26–27.

12. Vederov B. Pervyy konkurs Moskovskogo Soveta RK i KD na sostavlenie projekta uluchshennoy krest'yanskoy izby / V. Vederov // Stroitel'stvo Moskvy. – 1926. – № 8. – С. 3–7.

13. Kazhinskij B.K. Stroitel'stvo kolhozov / B.K. Kazhinskij // Stroitel'naya promyshlennost'. – 1929. – № 2. – С. 140–143.

14. Kazhinskij B.K. Novoe o projektakh kolhoznykh stroenij / B.K. Kazhinskij // Kollektivist. – 1928. – № 9–10 (64065). – С. 29–32.

15. Bekker N. Kolhoznaya arhitektura / N. Bekker // Pravda. – 1935. – № 73. – С. 2.

16. Tess T. Podgotovka k novosel'yu / T. Tess; K Vsesoyuznomu soveshchaniyu po voprosam kolhoznoy arhitektury // Izvestiya. – 1935. – 17 marta. – № 66. – С. 3.

17. Kashkarova L. Kolhoznaya samodeyatelnost' v arhitekture. / L. Kashkarova // Arhitektura SSSR – 1937 - № 1 – С. 15-17

18. Al'bom projektov planirovok selenij i usad'eb. – Ukrmeliovodhoz, Sel'strojchast'. – Har'kov: 1924

19. Brazhnik M.V. Integratsionnye agrarno-promyshlennye formirovaniya v Rossii v 1920–30-h gg. [Elektronnyj resurs] / M.V. Brazhnik // Problemy sovremennoy ekonomiki. Evrazijskij mezhdunarodnyj nauchno-analiticheskiy zhurnal. – 2006. – № 3/4 (19/20). – Rezhim dostupa: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1169> (data obrashheniya 16.06.2018).

20. Il'inyh V.A. Sel'skoe hozyajstvo Sibiri v XX veke: poisk modeli ustojchivogo razvitiya [Elektronnyj resurs] / V.A. Il'inyh // Sibir': projekty XX veka (nachinaniya i real'nost'). – Novosibirsk, 2002. – Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23781905>

21. Beschastnov, [bez inits] Ob AIKah i INAKah t. Nikulihina i o putyakh sotsialisticheskoy rekonstruktsii sel'skogo hozyajstva / Beschastnov, Ippolitov, Livyant [i dr.] // Na agrarnom fronte. – 1932. – № 2. – С. 162–168.

22. *Eramishantsev V. Uchebno-opytne sovhozy / V. Eramishantsev // Stroitel'stvo Moskvy. – 1930. – № 5. – S. 11–13.*

23. *Botov F.I. Kabardino-Balkarskaya oblast' stroit agrogroda. // Arhitektura SSSR. – 1934. – № 8. – S. 36–39*

24. *Arhitekturnaya konferentsiya v Nal'chike (Iz vpechatlenij arhitektorov ot poezdki v Kabardino-Balkarskuyu oblast') // Pravda. – 1933. – 6 noyabrya. – S. 2*

25. *SSA SSSR. Planirovka i stroitel'stvo kolhozov, sovhozov i MTS. Materialy soveshhaniya, sozvanogo Soyuzom sovetских arhitektorov sovmestno s Narkomzemom, Narkomsovhozov i Akademiej arhitektury SSSR. – M.: Izd VAA, 1940.*

Косенкова Юлия Леонидовна (Москва). Доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, старший научный сотрудник. Главный научный сотрудник – советник директора филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (111024, Москва, ул. Душинская, 9. НИИТИАГ). Сфера научных интересов: теория и история архитектуры и градостроительства советского периода. Автор более 140 публикаций. Тел.: +7 (925) 301-81-62. E-mail: jkosenkova@yandex.ru.

Kosenkova Yuliya Leonidovna (Moscow). Doctor of Architecture, Corresponding Member of RAACS, Senior Researcher. The chief researcher – adviser to the director of the branch of the Federal State Unitary Enterprise "TsNIIP Minstroy of Russia" Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (111024, Moscow, Dushinskaya st., 9. NIITIAG). Sphere of scientific interests: theory and history of architecture and urban planning of the Soviet period. The author of more than 140 publications. Tel.: +7 (925) 301-81-62. E-mail: jkosenkova@yandex.ru.